

**ЛАНГЕ К. П. — ПРОКУРОРУ СССР
О ЛАНГЕ К. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ЛАНГЕ Константин Петрович, родился в 1903. По окончании гимназии в Киеве два года учился в Ветеринарном институте, затем — в Высшем сельскохозяйственном институте, с 1927 — после окончания института работал практикантом, затем на младших должностях на Млеевской научно-исследовательской станции; с 1931 — работал специалистом, позднее — старшим специалистом Всесоюзного плодового института в Киеве. 19 ноября 1932 — арестован по групповому делу, в августе 1933 — приговорен к 5 (?) годам ИТЛ и в сентябре отправлен в Дмитлаг.

В июне 1933 — обратился с заявлением к прокурору СССР.

<27 июня 1933>

«Прокурору Союза ССР.

Ланге Константина Петровича,
полит<ического> заключенного
в Киевском Допре СК 4-2

Заявление.

Обращаюсь к Вам с нижеследующим: Я — ст<арший> научный работник Всесоюзн<ого> Н<аучно>-И<сследовательского> И<нститу>та Плодового Х<озяйства>ва в г<ороде> Киеве, арестован 19.XI.1932 г<ода> на месте службы. До пол<овины> февраля 33 г<ода> содержался в г<ороде> Харькове за ГПУ УССР, в пол<овине> февраля — в г<ороде> Киеве за Киевск<им> Обл<астным> ГПУ. В настоящее время следствие мое закончено, и дело передано в Суд<ебную> Тройку УССР, как мне объявлено Киевск<им> Допром¹. За все время следствия мне не было предъявлено обвинения, вследствие какого я был лишен свободы, несмотря на ряд моих устных и письменных просьб. Все многочисленные допросы сводились к предложению признать и осветить свою к<онтр>рев<олюцион-ную> повстанческую деятельность.

Никаких объяснений о возможности недоразумения в обвинении и привлечении меня к обвинению в к<онтр>р<еволюционн>ой работе не принимались и не выслушивались. Я просил и требовал у следователей соблюдения основных моментов Советского Процессуального кодекса, а именно: конкретного и определенного обвинения; уличающих показаний других лиц, показавших на меня; очных ставок с указанными лицами.

Я основывал свое желание полной возможностью, путем дачи показаний, осветить всю несостоятельность моего обвинения и помочь ГПУ распутать созданное дело, в которое я впутан в качестве обвиняемого. В виду категорического отказа удовлетворить хотя бы часть моих просьб, я требовал свидания с Прокурором ГПУ для объяснения последнему создавшегося положения, однако, и в этом мне было отказано с обещанием скорого моего расстрела и высылкой моих родных.

Перед отправлением меня из ГПУ в Допр 29.III с<его> г<ода> мне было предложено подписать объявление статьи, а именно 54-7, которая, как я узнал впоследствии, трактует о экономич<еской> к<онтр>революции и вредительстве, и ничего общего с обвинением в к<онтр>р<еволюцион-ной> повстанческой работы не имеет (в чем требовали моего признания следователи, и в чем они меня обвиняли). При переводе в Допр я имел

¹ Допр — Дом предварительного заключения.

случайную встречу с проф<ессором> Симиренко, бывш<им> моим начальником по работе, арестованным на 1,5 мес<яца> позже меня. Последний мне осветил все возникшее дело, которого я не понимал до последнего времени, и заявил, что он в числе ряда прочих научных работников И<нститу>та, включая меня, обвиняется в вредительстве в научной работе; причем, он признал в этом виновным себя и меня, которого будто бы сознательно завербовал для этих целей. Попутно он перечислил вкратце те пункты научной работы, в которых проводилась вредная к<онтр>-р<еволюционная> цель, однако, характер и методы вредной работы и моя роль в них для меня остались не выясненными. На мое недоумение и возмущение о возможности существования и действительного проведения вредительской работы в н<аучной> области плодоводства, Симиренко заявил, что эти его утверждения вызваны условиями следствия и тяжелым моральным состоянием.

В виду полного непонимания, незнания и непричастности к вредительской деятельности Симиренко и прочих работников И<нститу>та, мной было подано мотивированное заявление Киевск<ому> Прокурору ГПУ т<оварищу> Гриневу от 4.V.33 г<ода> за № 3519 с просьбой моего вызова и продолжения следствия; на это заявление я ответа не получил. С указанной целью мною было подано аналогичное заявление Генеральному прокурору ГПУ УССР тов<арищу> Мальцеву в г<ород> Харьков в 14.V.33 г<ода> за № 2784, однако и это заявление до сего времени осталось без ответа.

Узнав об утверждении Прокуратуры Союза ССР, я обращаюсь к Вам с последней просьбой и заявлением:

1). Я совершенно не знал, не знаю и не предполагал к<онтр>-рев<олюционной> идеологии проф<ессора> Симиренко и прочих обвиняемых работников И<нститу>та, толкнувшей последних на путь вредительства и срыва социалист<ического> строительства Союза; вредной к<онтр>-р<еволюционной> идеологии ни Симиренко, ни другие работники И<нститу>та перед мною не показывали;

2). Никогда нигде я не слышал от Симиренко и прочих лиц о существовании какой-либо к<онтр>-рев<олюционной> организации и о стремлении и желании проведения к<онтр>-р<еволюционной> работы, как никто мне не предлагал организации таковой;

3). Я не имел сведений, не знал и не знаю и не предполагал о к<онтр>-рев<олюционной> вредительской деятельности лиц, хотя и работал совместно с ними, как и не замечал ничего к<онтр>-революционного в работе, проводимой на моих глазах.

4). Никакого активного и пассивного участия в к<онтр>-р<еволюционной> работе я не принимал и не мог принимать, будучи советским человеком по своим убеждениям.

Отсутствие с моей стороны каких-либо вредительских действий может быть легко доказано при условии предоставления возможности мне дать показания по моему обвинению. Я утверждаю, что могу доказать полную непричастность мою к вредительским актам и мое незнание о последних до сего времени, путем дачи объяснений, так и предоставления соответствующих документальных данных, в особенности по тем разделам научной работы, в которых Симиренко заявлял, что я был вредителем.

Я оставляю в стороне жестокие и непонятные для меня условия следствия и допросов, считая, что в важнейшем деле уничтожения вредящих элементов социалист<ическому> строительству, отдельные переживания отдельного лица в расчет не принимаются. Однако, я обращаюсь к Вам с надеждой, что все же, несмотря на недостатки следствия, в результате действительного разрешения моего дела, путем

строгой придержки революционной законности, возможно будет осветить полную непричастность мою к к<онтр>рев<олюционным> элементам и восстановить меня как советского человека, работника и гражданина.

К. Ланге.

27.VI.1933 г<ода>.

Отправлено прокурору Союза ССР т<оварищу> Акулову в г<ород> Москву С.К. Допра 29.VI.33 г<ода> за № 87»².

В декабре 1933 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Надежда Александровна Ланге, мать Константина Петровича Ланге, преподавательница Киевской трудовой школы.

<26 декабря 1933>

«Т<оварищу> Пешковой

Москва, Кузнецкий Мост, № 23

Уважаемый товарищ

Как мне известно, Вы принимаете столь большое и горячее участие в делах политически осужденных и заключенных, что я позволяю себе обратиться к Вам за помощью:

Мой сын, Константин Петрович Ланге, 30 лет, б<ывший> старший специалист Киевского Всесоюзного Плодового Института, 19 ноября 1932 г<ода> был арестован Киевским ГПУ и после 10-ти месячного заключения, как осужденный, отправлен в Дмитровский лагерь 29 сент<ября> 33 г<ода> (ст<анция> Пушкино, 9 отделение концлагеря, 3 лагерн<ый> пункт).

12-го ноября я получила от сына сведения, что его с 2 другими агрономами из лагеря куда-то увозят; с тех пор вот уже больше месяца я не получаю от него никаких вестей, и все усилия узнать о местопребывании его не дали пока никаких результатов. Вот почему, крайне обеспокоенная судьбой сына, я решаюсь убедительно просить Вас посоветовать, а если можно, то и посодействовать выяснению места пребывания сына с тем, чтобы я смогла принять возможные меры к облегчению его участи.

Сообщаю еще, что мною возбуждено уже ходатайство пред заместителем прокурора СССР т<оварищем> Вышинским 29/IX-33 о пересмотре дела сына и у начальника концлагерей 26/IX об использовании сына по его специальности агронома-плодовода, но пока, сколько мне известно, реальных результатов это еще не дало.

Отмечу попутно и то, что одно из лиц, причастных к делу сына, профессор Симиренко, под непосредственным руководством которого сын работал несколько лет в Плодовом институте, был осужден одновременно с сыном и сейчас уже находится в Херсоне, где работает по своей специальности.

Для ознакомления с ходом дела прилагаю копию заявления сына от 27/VI-33 г<ода>, направленного им из Киевского Допра прокурору СССР т<оварищу> Акулову, а также его биографию.

Преподавательница Киевской труд<овой> школы Н. Ланге.
Надежда Александровна Ланге.

16 дек<абря> 1933 г<ода>.

Киев, Татарская, № 32а.

На почтовые расходы при сем марок на три рубля»³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1270. С. 194-195. Машинопись.

К письму Надежды Александровны Ланге была приложена заполненная ею "Биография Константина Петровича Ланге".

«Биография б<ывшего> старшего специалиста
Плодового института (Киев-Китаево)
Конст<антина> Петров<ича> Ланге

1. Происхождение: возр<аст> 30 л<ет> (род<ился> 8 янв<аря> 1903 г<ода>).

Отец Ланге Петр Владимирович, 72 л<ет>, сын жестяных дел мастера, датского поданного; трудовой опыт 42 г<ода>, из них последние 10 лет на советской службе; оконч<ил> физико-математ<ический> факультет Киев<ского> университета, <служил> по М<инистур>ству финансов. Ревизор Киевского Акционерного Управления – 27 л<ет>; заведыв<ал> конторой сахаро-рафинад<ных> заводов – 5 л<ет>; ревизор Сахаротреста – 10 лет; с 1928 г<ода> пенсионер.

Мать, Надежда Александровна Ланге, 57 л<ет>, трудовой стаж 25 лет, преподавательница труд<овой> школы.

Брат, Александр Петрович Ланге, 37 <лет>, инженер, профессор Киевск<ого> Авиа<ционного> института, главный инженер завода "Красный Двигатель"; имеет ряд печатных трудов по специальности двигателей внутр<еннего> сгорания, механизации советского хозяйства.

2). Образование. По окончании курсов Киевской гимназии в 20 г<оду> поступил в Ветеринарный Институт, откуда в 22 г<оду> перешел в Высший Сельскохозяй<ственный> институт, курс которого закончил в 1927 г<оду>; практи<ческий> стаж отбывал на Млеевской Научно-исследов<ательской> станции (Черкесского района Киев<ской> обл<асти>).

3). Трудовой стаж. По оконч<ании> 6-й гимназии служил в 20-21 г<одах> делопроизводителем в Лукьяновской милиции г<орода> Киева, по оконч<ании> Сельскохозяй<ственного> Института с 27 г<ода> — сперва практикант на Млеевск<ой> Н<аучно>-Исслед<овательской> ст<анции>, а затем в младших должностях; с 1931 г<ода> работал в Институте Плодоводства (Киев-Катаево) в последнее время старшим специалистом на руководящей работе; имеет ряд печатных трудов по своей специальности: питомническое производство, плодovое сортоведение, селекционная и обследовательская работа, агротехника.

4). Отношение к воинской повинности. Ни в каких армиях не служил; от военной службы освобожден по болезни (порок сердца).

Н. Ланге.

16 дек<абря> 1933 г<ода>»⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1270. С. 192. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1270. С. 193. Автограф.